

Ежегодник Японии 2022. Т. 51. С. 384—408
Yearbook Japan 2022. Vol. 51, pp. 384—408
DOI: 10.55105/2687-1440-2022-51-384-408

**«Проблемы исторического прошлого
в отношениях Японии со странами-соседями»**

*Материалы круглого стола
19 февраля 2022 г.*

**Д. В. Стрельцов, С. В. Гришачев, В. В. Нелидов,
И. В. Дьячков, П. В. Кульнева, В. А. Перминова**

Аннотация

Данный круглый стол прошел в стенах Ассоциации японоведов 19 февраля 2022 г. и был приурочен к выходу одноименной коллективной монографии. Авторы анализируют сложные и деликатные вопросы, стоящие в современной повестке дня во взаимоотношениях Японии с государствами Корейского полуострова, КНР и Тайванем, а также во взаимоотношениях с Россией.

Авторы в своих рассуждения обозначают исторические корни этих проблем и ставят перед собой задачу всесторонне проанализировать их современное состояние, а также показать, какое место они занимают в общественном сознании этих стран.

Ключевые слова: историческая память, коллективная память, нарратив, война исторических нарративов, формирование идентичности, виктимизация сознания, исторические обиды.

Авторы:

Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, заведующий Кафедрой востоковедения МГИМО-университета (119454, Москва, Проспект Вернадского д. 76), ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН (117997, Москва, Нахимовский проспект, 32)

ORCID: 0000-0001-7177-2831; E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Гришачев Сергей Викторович, кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (105066 Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4, стр. 5)

ORCID: 0000-0002-6039-9637; E-mail: sgrishachev@hse.ru

Нелидов Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Кафедры востоковедения МГИМО-университета (119454, Москва, Проспект Вернадского д. 76); Научный сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН (103031, Россия, Москва, ул. Рождественка, 12)

ORCID: 0000-0003-0173-0438; E-mail: nelidov.v.v.@my.mgimo.ru

Дьячков Илья Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Кафедры востоковедения МГИМО-университета (119454, Москва, Проспект Вернадского д. 76)

ORCID: 0000-0001-7058-0811; E-mail: i.dyachkov@my.mgimo.ru

Кульнева Полина Викторовна, кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН (103031, Россия, Москва, ул. Рождественка, 12).

ORCID 0000-0002-8699-5568; E-mail: kpoline@list.ru

Перминова Вера Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Китая Института востоковедения РАН (103031, Россия, Москва, ул. Рождественка, 12).

ORCID: 0000-0002-6626-7395; E-mail: verger177@yandex.ru

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

“Problems of Historical Past in Japan’s Relations With Neighboring Countries.”

*Materials of Roundtable Held
on February 19, 2022*

**D. V. Streltsov, S. V. Grishachev, V. V. Nelidov
I. V. Dyachkov, P. V. Kulneva, V. A. Perminova**

Abstract

The present roundtable took place in the office of the Association of Japanologists on February 19, 2022 and was held on the occasion of the publication of an eponymous monograph. The authors analyze the complex and delicate issues on the present-day agenda of Japan’s relations with the Korean Peninsula states, the PRC, Taiwan, and Russia.

In their presentations, the authors point out the historical roots of these problems, aim to provide a comprehensive analysis of their present condition, and show their place in the public consciousness of these countries.

Keywords: historical memory, collective memory, narrative, formation of identity, victimization of consciousness, historical grievances

Authors

Streltsov Dmitry V., Doctor of Sciences (History), Professor, Head of Department of Afro-Asian Studies, MGIMO-University (76, Vernadskogo Prospect, Moscow, Russian Federation, 119454); Leading Researcher, Centre for Japanese Studies, Institute of China and Contemporary Asia of RAS (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117997, Russian Federation).

ORCID: 0000-0001-7177-2831; E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Grishachev Sergey V., PhD (History), Associate Professor, School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University (21/4, Staraya Basmannaya Street, Moscow, Russian Federation, 105066)

ORCID: 0000-0002-6039-9637; E-mail: sgrishachev@hse.ru

Nelidov Vladimir V. PhD (History), Associate Professor, Department of Afro-Asian Studies, MGIMO-University (76, Vernadskogo Prospect, Moscow, Russian Federation, 119454); Research Fellow, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of RAS (12, Rozhdestvenka Street, Moscow, Russian Federation, 103031).

ORCID: 0000-0003-0173-0438; E-mail: nelidov.v.v.@my.mgimo.ru

Dyachkov Ilya V., PhD (History), Associate Professor, Department of Afro-Asian Studies, MGIMO-University (76, Vernadskogo Prospect, Moscow, Russian Federation, 119454);

ORCID: 0000-0001-7058-0811; E-mail: i.dyachkov@my.mgimo.ru

Kulneva Polina V., PhD (Economics), Researcher, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of RAS (12, Rozhdestvenka Street, Moscow, Russian Federation, 103031).

ORCID 0000-0002-8699-5568; E-mail: kpoline@list.ru

Perminova Vera A. PhD (History) Researcher, Department of China, Institute of Oriental Studies of RAS (12, Rozhdestvenka Street, Moscow, Russian Federation, 103031).

ORCID: 0000-0002-6626-7395; E-mail: verger177@yandex.ru

Conflict of interests

The authors declare the absence of the conflict of interests.

Стрельцов Дмитрий Викторович

Семинар, прошедший в Ассоциации японоведов 19 января этого года, приурочен к выходу в свет коллективной монографии, название которой вынесено в заголовок. Данная тема выбрана неслучайно. В последние годы проблемы исторического прошлого обретают всё большую актуальность в международных отношениях. Это касается не только Японии, но и других стран, в том числе и России.

Дело в том, что, как показывает история, в отношениях между бывшими противниками по различным конфликтам периодически возникают проблемы. И выясняется, что даже если они имеют статус решённых, и, казалось бы, отошли в далёкое прошлое, в современных условиях оживают вновь и в самый неподходящий момент могут стать причиной нового пожара. Одна из причин, по которой мы выбрали тему для нынешнего семинара, заключается в том, что в Восточной Азии эти проблемы живы, они по-прежнему крайне актуальны, и они кардинальным образом влияют на отношения между странами в регионе. Вопросы исторического прошлого связаны не только с наследием Второй мировой войны, но и с гораздо более длительным историческим периодом, в основе которого лежит синоцентричный мировой порядок, — тот порядок, который сложился в Восточной Азии уже много-много веков назад.

Но сегодня мы говорим именно об отношениях Японии со странами-соседями. Основными все же остаются вопросы, ставшие следствием событий середины XX в. В своей книге мы попытались показать, в чем суть этих вопросов и как они проявляют себя в этих отношениях. У нас на семинаре присутствует фактически весь авторский коллектив книги, вышедшей в 2022 г., и каждый попытается осветить вкратце свой раздел.

Книга состоит из двух больших частей. Первая посвящена проблемам исторического прошлого в отношениях Японии с материковыми странами Азии: тема уже достаточно хорошо изучена в зарубежной историографии, но мало освещенная у нас. Вторая же часть посвящена исторической памяти в российско-японских отношениях. Почему-то у нас считается, что подобного рода вопросов в отношениях с Японией у нашей страны не существует. На самом деле это не так. И одной из наших задач было показать актуальность этих проблем в современной международно-политической повестке дня.

Сегодня мы хотели бы последовательно изложить свое мнение по нескольким важным вопросам. И первый из них — а почему, собственно, вообще возникают исторические споры? Как связано национальное самосознание с восприятием истории и почему оно разнится в зависимости от страны?

Второй круг вопросов связан с тем, как в самой Японии видится историческое прошлое, — насколько сильна в современных условиях саморефлексия политической элиты и общества в отношении того, что произошло в годы Второй мировой войны, как воспринимает эти проблемы нынешняя японская молодежь? Ответ на эти вопросы важен потому, что определенные настроения в обществе не могут не сказаться на предвыборных программах политиков, а как следствие — и на внешнеполитическом курсе государства.

Далее мы попытаемся поговорить о взаимоотношениях Японии с каждой из соседних с ней стран — с Китаем, с государствами Корейского полуострова, а также о связях с о. Тайвань. Для нас важно, как сегодня в этих странах воспринимаются самые громкие вопросы — проблема храма Ясукуни, вопрос о т.н. «женщинах для утешения», японское колониальное прошлое на Тайване и на Корейском полуострове, проблема подневольного труда корейцев, насильно перевезенных в Японию в годы Второй мировой войны, а также территориальные проблемы, также имеющие выход на дискуссии об историческом

прошлом — спор вокруг островов Токто/Такэсима и островов Сэнкаку/Дяюйдао.

Найти компромисс здесь крайне сложно, ибо проблемы эти очень цепкие и затрагивают национальную гордость, престиж, наконец связаны с национальной идентичностью стран региона. И начнем мы с вопроса о том, как происходит борьба между национальными идентичностями, особенно если они в своем основании имеют травматический исторический опыт.

Гришачёв Сергей Викторович

Прежде всего следует внести особенно важную методологическую оговорку, ибо многие люди далекие от практики академических исследований не вполне четко понимают, в чем специфика исследований, посвященных исторической памяти — *memory studies*. В центре этих исследований не история как таковая, не анализ самих исторических фактов (чем занимаются обычно историки), а анализ того, как исторические события усвоены обществом, как оно хранит память о своем прошлом и как на эту память пытается влиять власть.

И надо сказать, что историческая память — явление, напрямую связанное с формированием национального самосознания. Британский политолог и социолог Бенедикт Андерсон в свое время, развивая подходы к проблемам идентичности, определил нацию как *воображаемое политическое сообщество*. Он сформулировал весьма верное наблюдение о том, что даже в пределах маленькой нации ни один из ее членов не будет никогда знать большинства своих соотечественников, но при этом между собой эти люди будут ощущать свое единство, знать кто они сами и знать, кто для них является *другими*. Действительно, граждане Японии, Китая, России или Соединенных Штатов скорее всего никогда не будут знать каждого из своих соотечественников, это невозможно. Но вместе с тем, все граждане этих стран знают о героях собственной истории, о выдающихся писателях, поэтах и знаменитых природных пейзажах, являющихся национальной гордостью и которые стоит посетить всякому, кто обладает чувством патриотизма.

Подобное положение вещей — не случайность, а результат осознанной работы по воспитанию идентичности. И это стало возможно с распространением просвещения и системы школьного образования

в XIX — XX вв., которая теперь существует фактически во всех странах. Формирование представлений о себе и своем коллективе осуществляется и за пределами школы, через информационные технологии и технологии развлечения — фильмы, сериалы, романы, которые влияют на общество посредством телевидения, интернета, издательской индустрии.

Так формируется национальная идентичность, т.е. искусственно созданное представление некоего коллектива о самом себе, и это представление не дается от рождения, а формируется совершенно осознанно, а этническая или лингвистическая принадлежность играют здесь лишь вспомогательную роль.

У подобной идентичности есть также и свое представление о своем прошлом. И чаще всего эти представления не совпадают с представлением о прошлом с теми, кто воспитан в другой реальности, в другой идеологии, в другой идентичности. И здесь мы подходим к одной из важнейших проблем — *войне исторических нарративов*. Почему у жителей стран Восточной Азии разное представление о прошлом и почему эти разные представления актуализировались с особой силой именно в последнее время? Ведь это напрямую влияет на взаимоотношения Японии с Китаем и со странами Корейского полуострова.

Чтобы ответить на этот вопрос необходимо обратить внимание на разность и особенность исторических условий, в которых формировались общества в этих странах: они проделали очень разный исторический путь в Новое время, что кардинально повлияло на их видение истории.

Первый пример — Япония. Процесс создания национальной идентичности здесь начался во второй половине XIX в. Именно тогда в ходе реформ Мэйдзи было впервые создано то, что мы сейчас называем японской нацией. На рубеже XIX–XX в. здесь через формирование системы всеобщего просвещения и образования было создано бессловное унитарное мононациональное государство (*nation state*) по типу западноевропейских государств. Его рождение сопровождалось еще и созданием колониальной империи. После 1945 г., когда Япония была вынуждена отказаться от роли сверхдержавы и от колоний, ее идентичность развивалась в преимущественно пацифистском ключе, без колониальной составляющей. Послевоенная японская идентичность строилась на антимиитаризме, на интеграции с западным миром и на адаптации либеральных ценностей в политике и обществе.

Что касается Китая и Кореи, то здесь процесс идентификационный и модернизационный развивались куда как более драматично — с расщеплением обществ после Второй мировой войны, где свою безвозвратно трагическую роль сыграла логика Холодной войны, то есть логика противостояния двух диаметрально противоположных политико-экономических систем.

Попытку создать национальное государство в Китае на развалинах Цинской империи предприняли политики партии Гоминьдан. Однако они потерпели поражение в ходе Гражданской войны, и на территории материкового Китая в к. 1940-х гг. было сформировано государство с коммунистической идеологией, в котором были проведены масштабные реформы народного образования, приведшие к разрыву с прежней культурной и письменной традицией. Была создана новая общность — коммунистический Китай.

Однако в к. XX в. идеология в КНР вновь претерпела некоторые изменения. При внешнем сохранении коммунистических символов государство стало делать упор на националистический элемент в воспитании молодежи, где идеология апеллирует уже не столько к идеалам марксизма, сколько к былому имперскому величию Китая. Обновленная идентичность стала более националистична, при этом она по-прежнему противопоставляет себя западным ценностям, утверждая свой особый путь.

В тоже время существует ещё и самосознание жителей Тайваня. Оно формировалось в большей преемственности с традицией, письменность здесь была сохранена без масштабных изменений. Она тоже формировалась на протяжении многих поколений, но по-другому пути, до некоторой степени идентичному японскому — с рыночной экономикой и ориентацией на западный либерализм.

Процесс расщепления общества произошел и на Корейском полуострове. Там, после кровопролитнейшей войны 1950–1953 гг. и многих десятилетий Холодной войны по обе стороны от 38 параллели сформировались две принципиально антагонистичные в отношении друг друга идентичности. Одна из них — КНДР — как и в КНР, некогда коммунистическая, позднее трансформировалась в националистическую с сохранением внешних символов марксистской доктрины. Вторая же — Республика Корея — опять-таки националистична в традиционном понимании.

Примеры разделенного Китая и стран Корейского полуострова показывают, что в рамках некогда одной этно-культурной общности вполне может возникнуть несколько новых идентичностей. Более того, любая человеческая общность — продукт искусственно сформированный. Устойчивая национальная идентичность конструируется на протяжении нескольких поколений через распространение грамотности, создание национального литературного языка, идеологии, а также через школьные и университетские программы по истории.

Таким образом, на данный момент в Восточной Азии мы имеем несколько устойчиво воспроизводящих себя идентичностей. Три из них — Япония, Республика Корея и Тайвань — националистичны в традиционном понимании. Две же остальные — КНР и КНДР — это страны с формальным преобладанием коммунистической идеологии, однако в данном случае можно говорить скорее о версиях национального, нежели интернационального коммунизма. И если в Пекине и Тайбэе хотя бы раздаются голоса о едином Китае, то Сеул и Пхеньян уже зафиксировали взаимный суверенитет в 1991 г., что фактически исключает возможность соединения в единое государство, не говоря уже о создании единой корейской нации.

Если в европейском регионе на рубеже XX–XXI вв. набрали ход интеграционные процессы, то в странах Восточной Азии процесс этот лишь частично наметился, но не получил дальнейшего развития в XXI в. Несмотря на некоторые усилия, все же фундаментального пересмотра сложившегося порядка не произошло. И хотя экономическая кооперация стран Восточной Азии очень глубока, а сами экономики КНР, Тайваня, Республики Корея и Японии имеют колоссальное значение для мировой экономики, тем не менее о политической интеграции региона, подобной европейской, говорить не приходится.

Самоосознание в странах региона построено с упором на самостоятельность и собственную особость и исключительность, в этом ощущается давление мощной историко-культурной парадигмы, в которой страны региона на протяжении своей истории, копируя китайский опыт, копировали и мироощущение центра вселенной. И сейчас, уже в других условиях эта традиция обременена наследием геополитического противостояния 2-й половины XX в. Именно в силу этих двух причин в странах Восточноазиатского региона очень слабо обозначен вектор инклюзивности и региональной интеграции. Политики — в какой бы из этих стран они не осуществляли свою деятельность —

уже не смогут или не захотят кардинально поменять эти основы без риска для своих карьер, чаще делая упор на самость и на угрозу извне.

Поэтому в обозримом будущем следует ожидать дальнейшее укрепление имеющихся идентичностей, и элемент конфронтационности здесь будет задействован со всех сторон. Как следствие, взгляд на разное понимание событий XX в. будет лишь усугубляться.

Нелидов Владимир Владимирович

Прежде чем говорить о том, какое влияние проблемы исторического прошлого оказывают на отношения между Японией и странами-соседями, следует ответить на вопрос о том, как эти болезненные вопросы исторического прошлого, а конкретно память о Второй мировой войне и о колониальном прошлом, оцениваются в самой Японии. Война здесь долго оставалась и во многом остаётся до сих пор не столько преступлением, за которое следует каяться и за которое несли бы ответственность и государство, и народ в целом, сколько чем-то вроде бедствия, постигшего страну. Как это ни будет выглядеть парадоксальным, себя японцы зачастую воспринимают как жертв этого бедствия.

В коллективной исторической памяти война ассоциируется не с агрессией Японии в Азии, а с образами атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, ковровых бомбардировок американскими самолётами других городов, в которых погибли десятки и сотни тысяч мирных жителей. При этом интересно, что поскольку война воспринимается не как преступление, а как постигшее страну бедствие, то и вина Соединённых Штатов в этих разрушениях тоже не акцентируется, что весьма благоразумно, учитывая нынешние тесные военно-политические отношения между Японией и США, ее главным союзником и внешнеполитическим партнёром.

Эта ситуация в послевоенные годы закрепилась в качестве своеобразного комплекса виктимности или комплекса жертвы, который изображал японское государство как жертву войны: он избавлял общество от бремени вины и необходимости рефлексии относительно тех причин, которые сделали возможным само развязывание конфликта. Важную роль здесь играла специфика опыта войны, как индивидуального, так и на уровне общества и государства в целом.

В самом деле, во время внешней экспансии в Японии была задействована лишь малая часть населения страны. Осуществлялась

она под жёстким и тотальным контролем государства и вооруженных сил над обществом. Большинство японцев могли узнать правду о зверствах, которые творили их военные на оккупированных территориях, лишь после войны. Сухопутные сражения затронули лишь малую часть Японской империи, фактически лишь остров Окинава. И неудивительно, что именно на этом острове характер памяти о войне до сих пор остаётся гораздо более трагичным и гораздо более ярким, если сравнивать его с таковым же в остальной Японии.

Очень часто в этом контексте сравнивают Японию и Германию. В Германии идея ответственности и германского государства, и немецкого народа в целом за преступления нацизма фактически стала одной из основ послевоенной немецкой политической идентичности.

С другой стороны, Японию часто критикуют (и порой небезосновательно) за отсутствие рефлексии, за отсутствие какого-то глубокого раскаяния. Наверное, сравнивать милитаристскую Японию и нацистскую Германию с точки зрения того, какое государство было хуже, какое государство в большей степени виновато, какое государство причинило больше зла народам, пострадавшим от Второй мировой войны, — это дело неблагоприятное. Оба режима были тоталитарными, бесчеловечными и совершили злодеяния, от которых кровь стынет в жилах. Достаточно вспомнить ужасающие опыты на людях в «Отряде 731», подразделении Квантунской армии, в котором среди пленников, над которыми издевались японские врачи, были и наши соотечественники. Или же можно вспомнить случаи каннибализма японских войск против военнопленных во время войны на Тихом океане.

Примечательно другое: в Германии существует очень жёсткое табу на какое-либо оправдание нацистского режима. Те неонацистские силы, которые выступают апологетически или которые говорят, что не только Германия виновата в развязывании войны, или что преступления нацистского режима преувеличены, — являются абсолютными, полными политическими маргиналами, фактически существующими за рамками цивилизованного политического дискурса в германском обществе.

В Японии же такие симпатии в отношении военных распространены несколько больше. С точки зрения самого милитаристского режима 1930-х–1940-х гг. и с точки зрения его современных апологетов — ряда ультраправых политиков, историков и журналистов, а также

определенной части общества — экспансия Японии имела благородную цель освобождения народов Азии от европейского колониального гнета. А преступления, которые были совершены японской военной, с точки зрения приверженцев этих взглядов являются либо перегибами на местах, не отражающими общего характера действий, либо преувеличениями, либо фактическим подлогом. В частности, такие оценки высказываются японскими ревизионистами в отношении печально известной Нанкинской резни.

Если говорить о ситуации на сегодняшний день, то, хотя действительно на улицах японских городов порой можно увидеть представителей ультранационалистических группировок и движений (*уёку дантай*, «правые группы»), тем не менее, несмотря на свою заметность и несмотря на свое существование в рамках японского политического спектра, они всё-таки остаются маргиналами. Ни одна из парламентских политических сил открыто и откровенно действия милитаристской Японии не оправдывает. Но всё же, что касается политического мейнстрима, то и в рядах правящей ЛДП есть те, кто сочувственно относится к ревизионистским и националистским кругам. Хотя они, как правило, стараются излишне не акцентировать внимание на этих вопросах и ограничиваются отдельными символическими жестами, руководствуясь прежде всего соображениями прагматизма.

В этой связи интересно посмотреть на позицию других японских политических сил, помимо правящей Либерально-демократической партии — как они относятся к памяти о войне? И в наибольшей степени близкими к западному пониманию того, как следует относиться к памяти о тоталитарном режиме, являются японские левые силы. В годы Холодной войны это были социалисты и коммунисты, а сейчас это более левая часть политического спектра. Но всё равно, даже с точки зрения левых деятелей народ страны в целом не несёт какой-то коллективной ответственности и не должен каяться и продолжать страдать до сегодняшнего дня.

По их мнению, японский народ был жертвой войны, развязанной милитаристской верхушкой. То, что нынешние правящие консервативные силы иногда пытаются отодвинуть вопрос об ответственности этой верхушки за развязывание войны, — это претензия именно к этой самой консервативной верхушке. А японский народ в целом и с их точки зрения тоже не виноват.

Подытоживая, можно сказать, что и отношение разных политических сил, и общества Японии к вопросу об ответственности за войну отличаются не так уж сильно. В политическом мейнстриме, если мы говорим о парламентских партиях, если мы не берём каких-то националистов-маргиналов, нет по-настоящему ревизионистских сил, которые открыто оправдывали бы действия страны во время Второй мировой войны и которые открыто говорили бы о том, что Япония всё сделала правильно.

С другой стороны, и тех, кто считает, что Япония и японский народ в целом должны бесконечно каяться и что они должны сделать идею ответственности за войну важной частью своей идентичности, своего отношения к прошлому, как обстоит дело в современной Германии, — таких политических сил в японском политическом мейнстриме тоже нет. С точки зрения всего политического спектра ответственность лежит не на японском народе и не на стране в целом, а на высшем руководстве того времени. И понимание специфики сложившегося отношения к прошлому у политиков и граждан Японии даёт также и понимание того, как эта специфика влияет и на взаимоотношения со странами-соседями.

Дьячков Илья Владимирович

Я хотел бы рассказать сегодня об исторических претензиях, взаимных противоречиях в отношениях Японии с государствами Корейского полуострова — с КНДР и Республикой Корея.

В комплексе политических отношений исторические претензии сегодня видны невооружённым глазом, они практически заменили и подменили собой нормальное политическое общение между Сеулом и Токио, Пхеньяном и Токио. Чтобы это увидеть, можно обратить внимание лишь на несколько интересных парадоксов. Например, Республика Корея и Япония являются опосредованными союзниками через США: и у той, и у другой страны есть союзный договор с Вашингтоном. Япония и Республика Корея ведут активное торговое и инвестиционное сотрудничество, но, несмотря на это, последние годы разногласия по историческим проблемам все нарастают. При этом Республика Корея и КНДР — государства-антагонисты. Государства, для которых немислимо существование другого легитимного правительства на Корейском полуострове. Каждое из них считает себя единственным

законным представителем корейского народа. Однако по историческим вопросам, вопросам противоречий с Японией и колониального прошлого, они выступают в один голос.

Исторические претензии к Японии в исполнении Сеула и Пхеньяна звучат несколько иначе, имеют разные акценты, но при этом нужно понимать, что для всего корейского народа это очень важная часть политического самосознания и очень важная часть политического мифа, идентичности. Эта важность связана не в последнюю очередь с тем, что Корея освободилась не вполне своими силами — на материке непосредственно Корею освобождала Советская армия, а в разгром Японии основной вклад внесли США. Поэтому в обработке исторических тем, связанных с периодом колониализма, проявляется не только справедливая обида и искренняя боль корейцев за годы колониального унижения, но и факторы, которые важны для политиков и идеологов. Необходимо в целях укрепления национальной идентичности найти свой вклад в освобождение и таким образом отчасти взять реванш в истории. Список ключевых для Республики Корея и КНДР тем очень сходен. Для Республики Корея — это проблема принадлежности острова Токто, а также вопрос о т.н. «женщинах для утешения», или, как их называют по-корейски, *вианбу*, то есть о тех, кто насильственно рекрутировались для службы в японских полевых борделях. Также это в последнее время и принудительный труд корейцев на японских предприятиях в колониальную эпоху, в частности, в годы Второй мировой войны.

У всех этих сюжетов есть длинный исторический след. Аргументация сторон, в частности, по островам Токто, уходит глубоко в средневековье. Хотелось бы сказать не об исторических аргументах той или иной стороны, а скорее о политической обработке этих тем в новейшей истории.

Заметно, что в Республике Корея сменяющиеся администрации либералов и консерваторов, несмотря на острые противоречия по самым разным проблемам, здесь достигли межпартийного консенсуса. Со времен как минимум президента Но Мухёна, а может быть, даже раньше, нарастало давление по историческим проблемам.

При Но Мухёне была активизирована проблема принадлежности Токто. Следующий президент Ли Мёнбак даже посетил этот остров. При Пак Кынхе власть активно обращалась к сюжету с *вианбу*, двусторонним отношениям с Японией, в частности, из-за противоречий

по этому вопросу был нанесен очень большой урон. Даже несмотря на попытки его урегулировать и подписание соответствующего соглашения в 2015 г. При Мун Чжэине помимо проблемы женщин для утешения Республика Корея вспомнила и о принудительном труде, и сейчас этот вопрос стал одним из важнейших для Сеула.

Конечно, не помогал и рост националистических настроений в Японии на фоне прихода к власти Абэ Синдзо. Корею пугают перспективы возможной милитаризации Японии и великодержавные настроения Токио. Это способствует нарастанию эмоционального напряжения.

Интересно, что Республика Корея и КНДР во многом отдают исторические претензии на откуп общественным организациям. Так, именно общественные организации занимались установкой памятников женщинам для утешения перед японскими загранучреждениями в Корее и за рубежом. Нельзя не заметить, что действия общественников заметным образом синхронизируются с настроениями власти. Можно даже предположить, что есть в этой синхронности какая-то большая связь, чем просто совпадение. Но проблема заключается в том, что давление нарастает, и не всегда удается находить компромиссы, поскольку любой компромисс в условиях «прогретости», националистического накала в каждом из обществ воспринимается как сдача позиций. Для выборной власти это превращается в очень большую проблему. Здесь очень ярким примером является уже упомянутое мною соглашение по вианбу 2015 г., выполнение которого в итоге забуксовало существенным образом.

Для КНДР, давление на Японию по историческим темам не было столь принципиальным, пока стороны вели достаточно активное экономическое сотрудничество, пока Пхеньян надеялся, что отношения с Токио будут нормализованы в ходе консультаций в 1990-е гг. Однако затем Япония стала раскручивать проблему похищенных северокорейскими спецслужбами японцев.

Тогдашний лидер Северной Кореи Ким Ченир признался, что такие похищения действительно происходили. Это было шоком для Японии, одним из способов организации поддержки для Абэ, который во многом нарабатывал свои политические очки на данной теме. Япония стала вводить односторонние санкции против КНДР, сокращать сотрудничество. КНДР стала все интенсивнее критиковать Токио по тем же темам, что и Республика Корея. Интересно, что южнокорейская

пресса порой перепечатывает северокорейские материалы с сочувствием, мол, в КНДР в одной из центральных газет вышел такой-то материал о таких-то преступлениях Японии. КНДР чаще обращается к таким экзотическим сюжетам, как гибель судна «Укусима-мару», на котором корейцы, привлекавшиеся к принудительным работам, возвращались домой в Корею. Оно затонуло, и северокорейцы обвиняют в этом Японию. Или же землетрясение в Канто, после которого были антикорейские погромы.

Но надо сказать, что в японо-северокорейских отношениях сложилась интересная ситуация. Для Японии по эмоциональному накалу, по принципу политизации, по типу политической обработки и по способности вытеснить всю другую повестку из двусторонних отношений вопрос о похищенных сейчас тоже превратился в историческую проблему, историческую претензию к КНДР. Развитие практически на наших глазах новой претензии исторического плана ярко показывает особенности этого явления. Данная тема становится точкой входа в дискурс для достаточно далекой от политики и от истории части общества, которая на волне нагнетаемого возмущения начинает поддерживать линию выгодную одной из властных групп (как правило — националистам) по совершенно другим причинам. И безусловная поддержка по такой горячей теме перетекает в поддержку по другим более важным вопросам. В японском случае это укрепление вооруженных сил, пересмотр конституции и другое. И пока одна из групп элит извлекает из сложившегося положения эту сиюминутную выгоду, страдают двусторонние связи с соседями и страдают долгосрочные внешние политические интересы страны.

На мой взгляд, в такой конфликтоопасной части мира, как Северо-Восточная Азия, подобная игра с огнем очень опасна, и печально видеть, что последние годы ей увлекаются многие региональные лидеры и игроки.

Кульнева Полина Викторовна

Проблема исторической памяти в японо-китайских отношениях стала актуальной не сразу после войны, а по прошествии нескольких десятилетий. Это естественно, потому что, во-первых, для того чтобы возникла память, необходимо время. Необходимо определенное время, чтобы проблемы, связанные с военным прошлым, были

осмыслены. Кроме того, за капитуляцией Японии последовал период восстановления региона, потребовалось время для решения вопроса компенсации материального и морального ущерба странам, пострадавшим от японской агрессии.

В случае с Китаем решение вопросов компенсации ущерба приобрело некоторую специфику. Во-первых, КНР не была стороной, приглашенной на подписание Сан-Францисского мирного договора, как и Китайская Республика, ввиду существовавших на тот момент серьезных внутривосточных разногласий. Как известно, в Сан-Францисском мирном договоре определялся порядок выплаты репараций пострадавшим государствам. В дальнейшем, уже при нормализации отношений между Японией и КНР в 1972 г., Мао Цзэдун отказался от японских репараций, их своего рода заменой стала официальная помощь развитию (ОПР), которую Япония оказывала целому ряду стран Азии, не только Китаю, в том числе по собственным экономическим мотивам. И хотя материковый Китай занимал, безусловно, особое место среди направлений этой помощи, но все же мотивы Японии вызывают в настоящее время определенную критику и не воспринимаются в Китае как компенсация нанесенного этой стране ущерба.

Что касается морального ущерба, то здесь возникает проблема извинений государственных лидеров Японии. Китайцы считают, что извинения были принесены слишком поздно или недостаточно искренне. Хотя, безусловно, слова сожаления звучали в разные годы и от лица императора Японии (в той форме, в какой позволял это сделать его статус), и от лица японских премьер-министров. Тем не менее вплоть до сегодняшнего дня эти извинения не приняты, не считаются достаточными. Взаимное непонимание в этом вопросе обусловлено как политическими, так и социокультурными факторами, а также моральными аспектами этой проблемы. Они связаны с национальной гордостью обеих сторон и с проблемой ответственности за военные преступления милитаристов, японского государства и японского народа, в первую очередь современного поколения японцев.

Интересно, что до начала 1990-х гг. проблемы военного прошлого практически не звучали в международной повестке и взаимное восприятие японцев и китайцев было в целом положительным. В принципе, отсутствие дипломатических отношений между странами, между материковым Китаем и Японией, до начала 1970-х гг. способствовало

некоторому информационному вакууму и отдалению народов друг от друга. Более того, в 1950-е–1960-е гг. Мао Цзэдун подчеркивал положительную роль японского вторжения в пробуждении китайского народа и победе коммунистов над Гоминьданом, таким образом, информационный фон был в целом благоприятным.

Однако после того, как в Китае началась политика реформ и открытости, активизировались двусторонние связи, выросли японские инвестиции и объемы двусторонней торговли, расширились другие формы контактов между странами. Этот бум экономических, политических и культурных связей стал благоприятным фоном, который способствовал возвращению исторической памяти, ее выходу на повестку дня. И именно сейчас в 2000-е гг. мы наблюдаем довольно стремительное нарастание напряженности, которое выражается в конфликтах по политическим вопросам и падении взаимного доверия.

Среди проблем исторической памяти в японо-китайских отношениях, помимо вопросов компенсации материального и морального ущерба, можно отметить визиты лидеров Японии в храм Ясукуни, где в число почитаемых погибших включены и военные преступники, причастные к массовым убийствам китайского гражданского населения. Еще одной проблемой является отражение событий военного прошлого в учебниках истории. Территориальная проблема суверенитета над островами Сэнкаку/Дяоюйдао является тоже во многом наследием Второй мировой войны, потому что война не дала исчерпывающего обоснования суверенитета ни для одной из заинтересованных сторон и послужила импульсом к дальнейшему развитию этого конфликта. Эти проблемы взаимосвязаны и, как правило, возникают в комплексе. Если возникает одна проблема, то она вызывает в памяти и все остальные. Так, в 2005 г., когда в материковом Китае проходили массовые антияпонские демонстрации, они были спровоцированы в первую очередь регулярными визитами премьер-министра Коидзуми в храм Ясукуни. Но при этом упоминалась и новая редакция японских учебников по истории, и споры о принадлежности островов Сэнкаку / Дяоюйдао.

Из перечисленных проблем одной из наиболее сложных и «многоаспектных», как сказала изучавшая этот вопрос подробно Эльгена Васильевна Молодякова, является проблема храма Ясукуни. Она действительно многоаспектна, потому что относится не только

к политике и истории, но в то же время отражает различие в мировоззрении двух народов, в частности связана с отношением к смерти в японской национальной религии синто. Храм Ясукуни для японского народа — это в первую очередь место скорби, он неразрывно связан с памятью о войне, это то место, где японские солдаты рассчитывали встретиться в случае своей гибели на поле боя. Но одновременно он имеет для Японии государственное значение. Связь с войной определяет его роль в обеспечении национального единства японского народа, что, конечно, используется соответствующими политическими силами Японии.

Храм и связанная с ним риторика все чаще становятся инструментом внешней политики обеих сторон — и японской, и китайской, и в том числе и со стороны Кореи. Но это не исключает религиозного смысла поминовения усопших, который состоит в том, что все погибшие, независимо от того, кем они были при жизни, равны и сливаются с единым духом предков. Так считается в японской религии синто.

Как и другие проблемы исторической памяти, проблема Ясукуни приобрела свою актуальность через несколько десятилетий после окончания войны. Хотя до 1980-х гг. было зафиксировано около двух десятков визитов японских премьер-министров в храм Ясукуни, только в 1985 г., после визита премьер-министра Накасонэ, впервые с китайской стороны был выражен официальный протест. 1980-е гг. можно считать переломным моментом в японо-китайских отношениях, когда проблемы исторического прошлого вышли на международную повестку: это и проблема храма Ясукуни, и проблема содержания учебников истории (впервые она послужила причиной дипломатического конфликта именно тогда). А в начале 1990-х гг. новый импульс получил давний спор о принадлежности спорных островов Сэнкаку / Дяоюйдао.

Перминова Вера Александровна

Тайвань является уникальным регионом не только в силу особенностей его экономического развития, культурных традиций или специфики политической системы. Дело в том, что в отличие от других японских колоний, на Тайване до сих пор не принято акцентировать внимание на негативных сторонах колониального прошлого. Кроме того, восприятие японцев в тайваньском обществе на протяжении

всего послевоенного периода и до сих пор остаётся положительным, что заметно контрастирует с преимущественно отрицательным имиджем Японии в Корее и материковом Китае.

Формированию такой исторической памяти на Тайване способствовали как внутривластные, так и внешнеполитические факторы. Несомненно, международная обстановка, сложившаяся к середине XX в., — разделение мира на два противоборствующих лагеря и сохраняющаяся угроза военного присоединения острова к коммунистическому Китаю — главным образом, влияли на выстраивание японо-тайваньских отношений после 1945 г., а с ним и на формирование в обществе коллективной памяти о японском периоде.

В настоящее время вопросы исторического прошлого, хотя напрямую не сказываются на развитии традиционно тесных японо-тайваньских отношений, тем не менее, играют важную роль в формировании такого феномена как «тайваньская идентичность» и оказываются неразрывно связанными с самыми насущными проблемами внутренней и внешней политики КР. Продолжающийся уже более полувека антагонизм между материковой и островной частями Китая, вкупе с текущей международной обстановкой, в свою очередь, также влияют на переосмысление тайваньцами своего колониального прошлого.

Все эти вопросы — не просто проблема интерпретации исторических событий. На Тайване это тесно связано с явлением тайваньского национализма, перспективами снижения напряженности в Тайваньском проливе, установлением доверительных отношений между странами Восточной Азии и безопасностью в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Обсуждение в тайваньском обществе проблем исторического прошлого, как правило, ограничивается двумя вопросами — это оспаривание суверенитета над островами Дяоюйдао и требование от Японии компенсаций бывшим «женщинам для утешения» (慰安婦 *вэйаньфу*). Важно отметить, что все эти вопросы имеют отношение не ко всему периоду японского правления, а к военному времени (проблема *вэйаньфу*) либо к трактовке итогов войны (территориальный спор). Что касается аспектов собственно колониальной политики, то обсуждение их в обществе и СМИ в основном происходили в 1990-е и начале 2000-х гг. в ходе дискуссий по поводу компенсаций «женщинам для утешения», которые, в свою очередь, как считают многие исследователи, были сильно политизированы и нередко переходили на уровень

межпартийного противостояния — главным образом, между Гоминьданом и Демократической прогрессивной партией (ДПП).

Об этих двух проблемах можно было бы сказать отдельно, но если говорить в целом, то оценка колониального правления и действий Японии в период Второй мировой войны, как правило, являлась на Тайване одним из аспектов дискуссии по поводу путей развития КР, её статуса и перспектив укрепления связей с ближайшими соседями и партнёрами — в первую очередь, с КНР, США и Японией. На внутриполитической повестке проблемы исторического прошлого обычно появлялись в контексте прочих вопросов, имеющих отношение к национальной идентичности, поиску моделей дальнейшего развития общества и государства на Тайване.

Как правило, сторонники более тесных отношений с КНР (в частности, Гоминьдан) чаще акцентируют внимание на отрицательных проявлениях колониального управления, тогда как сторонники независимого Тайваня (например, ДПП) обычно указывают на модернизацию острова под контролем японцев, противопоставляя её «белому террору» китайских властей в первые годы после окончания войны. В настоящее время, пока у власти в КР находятся представители ДПП — сторонники усиления взаимодействия с Вашингтоном и Токио и противоборства с материковым Китаем, вопросы исторического прошлого едва ли выйдут на уровень внешнеполитической проблемы и будут играть значимую роль в отношениях между Японией и Тайванем.

Стрельцов Дмитрий Викторович

Во взаимоотношениях Японии со странами-соседями большое распространение получила т.н. «дипломатия извинений». Нужно сказать, что в странах Восточной Азии, где господствуют конфуцианские нормы, извинения предполагают иерархию, в рамках которой извиняющийся всегда находится ниже, чем тот, кому предназначено это извинение. Извиняться в рамках системы ценностей, сложившейся в этом регионе, означает в значительной степени преодолеть себя и в какой-то степени потерять лицо. Там стараются избегать публичных извинений, которые произносятся лишь в случае каких-то серьёзных событий, серьёзной ответственности и вины, когда без извинений нельзя обойтись.

Япония несколько десятков раз приносила извинения восточноазиатским народам. Можно вспомнить извинения, принесенные в 1995 г. премьер-министром Мураяма по случаю пятидесятилетия окончания Второй мировой войны, где он признал, что Япония принесла неисчислимые страдания народам Азии и выразил сожаление по поводу политики японского государства в отношении этих народов. Были выражены и официальные извинения от имени правительства в 1993 г. в отношении «женщин для утешения», пострадавших от практики сексуальной эксплуатации со стороны японской императорской армии. Речь идет о кореянках, жительницах Тайваня и представительницах других азиатских народов.

Такие извинения звучали многократно, но каждый раз соседи не удовлетворялись. Один из китайских лидеров заявил, что никакого окончательного слова по поводу исторического прошлого быть не может, поэтому извиняться нужно вновь и вновь. Можно вспомнить, что премьер-министр С. Абэ по случаю 70-летия окончания войны, в 2015 г., заявил о том, что он не хотел бы, чтобы следующие поколения продолжали извиняться. Но тема раскаяния Японии по поводу грехов исторического прошлого сохраняется, ее поднимают лидеры стран-соседей, вновь и вновь требуя от нее извинений, как от имени лидеров страны, так и от ее императора. Проблема заключается и в том, в какой форме выражены извинения, насколько извинительная фразеология отвечает представлениям о добре и зле, каковы должны быть подобающие формы извинения. Эти вопросы по-прежнему сохраняют свою высокую актуальность в международных отношениях.

Еще я хотел бы сказать несколько слов о второй части нашей книги, где речь идет о роли проблем исторического прошлого в российско-японских отношениях. Эта тема не очень изучена в нашей стране по одной простой причине: мы считаем Японию культурной сверхдержавой, государством, лишенным армии, страной, которая в отношении нашей страны не имеет больших исторических грехов. А то плохое, что было совершено Японией в отношении нашей страны, уже было смыто кровью японцев.

Однако вопросы исторического прошлого в наших отношениях по-прежнему сохраняют свою актуальность. Многие в японцы считают, что именно Советский Союз принес их стране много зла, что современная Россия не «очистилась» от негатива прошлого. В Японии многие говорят о том, что Советский Союз нарушил пакт

о нейтралитете, вступив войну, а потом насильственно депортировал в лагеря военнопленных Квантунской армии, которых надлежало после окончания войны вернуть на родину. Говорят также много и о том, что СССР несправедливо лишил Японию ее исконных территорий. Это темы, которые хорошо известны и не нуждаются в особом комментировании. Я не буду отвечать на эти обвинения, данной теме нужно посвятить отдельный семинар. Но должен сказать, что стереотипы о том, что современная Россия не очистилась от своего советского и особенно сталинского прошлого, очень сильны и сейчас — СССР многие японцы по-прежнему воспринимают как империю зла. И современную Россию, как его преемницу, в Японии не очень жалуют.

Почти 90% японцев, по всем опросам общественного мнения, к нашей стране относятся плохо — либо «отрицательно», либо «скорее отрицательно». Виной этому стереотипы, основанные на подобном восприятии исторического прошлого, которое доминирует в Японии, даже несмотря на то, что там высоко чтут российскую культуру и российские достижения в науке.

То есть Россию, являющуюся одной из ведущих мировых держав, в целом воспринимают, скорее, негативно. Но что касается России, то в нашей стране также есть множество стереотипов в отношении Японии, которые продолжают жить и также основаны на неверном восприятии многих исторических фактов и исторического наследия.

С одной стороны, Японию не считают враждебной страной. Фактор исторической вражды никогда не присутствовал и в пропагандистской риторике — ни в историческом образовании, ни в изучении Японии никогда не использовался термин «историческая вражда». Даже в отношении милитаристского прошлого Японии в Советском Союзе сложилась традиция, в соответствии с которой народ не может быть виноват, и проводилась четкая разделительная грань между правящими кругами и народом.

Отсутствие каких-то больших претензий в отношении народа во многом характеризует и современное отношение россиян к японцам. Россияне не считают японский народ виновным и в значительной степени переносят вину на милитаристских правителей, а Японию считают страной великой культуры, экономической сверхдержавой, но не страной, которая не очистилась от своих исторических грехов,

как это делают в странах Восточной Азии. Но если брать какие-то негативные моменты, связанные с восприятием Японии в СССР и РФ, то можно сказать, что эту страну считают несамостоятельной страной, сателлитом США, страной, которая была оккупирована американцами и по этой причине не могла проводить собственную внешнюю политику и вплоть до конца 1950-х гг. стояла перед задачей национального освобождения от американской оккупации. Хотя Япония заключила мирный договор, но американские базы, как считалось, лишают ее подлинной независимости. Однако после 1960 г., когда была подписана новая редакция Договора безопасности, было решено, что Япония эту редакцию договора заключила осознанно, а не вследствие навязывания со стороны США.

И поэтому отношение к Японии уже в 1960-е гг. изменилось. Японию начали активно критиковать — за то, что она проводит политику милитаризма, за то, что там возрождаются вооруженные силы и реваншистские настроения. Это тоже был стереотип, но в значительной степени он был связан с тем, что Япония была страной, противоборствующей СССР: японский милитаризм ассоциировался с антисоветизмом. Милитаризм, как считалось, порожден ненавистью к СССР, враждебностью, унаследованной с довоенного периода, нелюбовью японцев к коммунистам, к коммунистической идеологии.

В СССР Японию считали недостаточно благодарной, поскольку вступление Советского Союза в войну в августе 1945 г. позволило ей избежать многочисленных жертв, которые бы она понесла, если бы продолжала бессмысленное сопротивление. Недооцененным также считалось и обещание СССР в соответствии с Декларацией 1956 г. передачи Японии нескольких островов.

В свою очередь, в Японии эти обвинения и упреки не находили своего понимания. Более того, там негативно относились к тому, что СССР пытался вмешиваться во внутреннюю политическую жизнь Японии, поддерживая левые силы, пытаясь их поставить под свой контроль и подчинить своему идеологическому влиянию. Но в Японии левые силы, и прежде всего Коммунистическая партия, сами негативно воспринимали попытки Москвы поставить их под свой идеологический контроль. Это было одной из причин, по которой у КПСС были довольно плохие отношения с КПЯ. Парадоксальным образом отношения с правящей Либерал-демократической партией, т. е. консервативной партией, у КПСС были лучше, нежели с левыми

силами. В современных условиях эта память также является одной из причин, которые сейчас определяют негативное, недоброжелательное отношение японцев к нашей стране.

Все, о чем я сказал, нашло отражение в нашей книге. Есть еще одна глава, посвященная военнопленным японцам, их правовому, экономическому положению, тем страданиям, которые они вынесли в советском плену, проблеме признания их плена и вопросам компенсации, которые не были достаточно решены, поскольку советское правительство не выдавало им соответствующих справок. Нужно сказать, что в постсоветский период Россия принесла официальные извинения, в частности, устами президента Б. Н. Ельцина в 1993 г. Но эта проблема по-прежнему жива, хотя сменилось несколько поколений японцев. В учебниках истории по-прежнему слышен этот мотив жестокого сибирского плена. Речь идет о более 600 тыс. военнослужащих Квантунской армии. Однако по мере ухода послевоенного поколения японцев эта проблема с течением времени утрачивает свою актуальность.